

A man and a woman are shown from the chest up. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a black leather jacket over a red t-shirt. He holds a black handgun in his right hand, pointing it towards the camera. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a black leather jacket over a white top. She has a red bandana tied around her head. Both are looking directly at the camera with serious expressions. The background is blurred, suggesting an outdoor urban setting.

Евгений Павлов-Сибиряк

**Шокирующие
встречи с неведомым**

Евгений Павлов-Сибиряк

**Шокирующие
встречи с неведомым**

«Автор»

2026

Павлов-Сибиряк Е.

Шокирующие встречи с неведомым / Е. Павлов-Сибиряк —
«Автор», 2026

Есть в России места, куда обычные люди не суются. Заброшенные военные бункеры, подземные тоннели, старые дома, где стены дышат ненавистью и с историей, которую никто не хочет вспоминать. Там, за ржавыми гермодверями и в пыльных коридорах, обитает совсем не то, что можно объяснить инфразвуком или игрой воображения. Перед вами рассказы людей, которые там побывали: сталкеров, геологов, охотников, военных. Людей, чья работа или судьба занесла их в места, где реальность мгновенно меняется. Которые слышали шаги в пустых помещениях, чувствовали чуждые прикосновения в темноте и видели то, от чего волосы встают дыбом. Они не искали приключений – приключения нашли их сами. «Шокирующие встречи с неведомым» – сборник, который вы не забудете. И дочитав – уже не будете прежним. Потому что будите знать, что мир не такой уж простой, – это знание, от которого не избавиться. Вход разрешён. Выход – не гарантирован.

Содержание

Пролог	5
Откровения сталкера	6
Жуткая ночь в горах	11
Зона панического ужаса	14
Анклав страха на Кузнечном	19
Мистический шулер или Жуткий покер на Арбате	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Павлов-Сибиряк

Шокирующие встречи с неведомым

Пролог

«Человек, хоть однажды сумевший прорваться сквозь бумажные стены обыденной жизни, сквозь эти непрочные стены, которые тем не менее так надежно от рождения до могилы держат многих из нас в плену, неминуемо приходит к открытию: если окружающий мир тебе не нравится, его можно изменить» Герберт Уэллс. "История мистера Полли"

Только вот незадача: менять-то его не всегда надо. Порой он сам меняется. Внезапно. Без нашего спроса, без предупреждения. И тогда свидетель, очевидец странных, необъяснимых событий вдруг понимает, что за этими самыми «бумажными стенами» скрывается не пустота, а нечто такое, для чего у нас с вами, граждане, даже названия нет.

Эта книга – сборник свидетельств. Показаний. Если угодно – протоколов допросов современной реальности, которая вдруг перестала быть послушной и предсказуемой.

Люди, которые здесь рассказывают свои истории, не писатели. Это - сталкеры, геологи, военные, охотники, копари, врачи, простые работяги. Никто из них не искал встреч с неведомым. Просто однажды они внезапно оказались там, где тонкая грань между нашим миром и другим, неизведанным стала настолько прозрачной, что сквозь неё можно было разглядеть... что-то более древнее, равнодушное и пугающее. То, что было здесь задолго до нас и останется после.

Конечно, скептики могут сказать, что всё это – галлюцинации, инфразвук, игры подсознания. Удобная теория. Особенно для тех, кто никогда не слышал, как шуршит что-то в безлюдном, давно герметично закрытом бункере. Или как за спиной в пустом тоннеле раздаются шаги, хотя там никого нет. Или как в старой квартире на Кузнечном вдруг накатывает волна ледяного, беспричинного ужаса, от которого хочется бежать, не разбирая дороги.

Теория – она и есть теория. А практика – это когда ты стоишь вплотную с невидимым, но совершенно осязаемым существом, и понимаешь, что сжимаемый в руке боевой пистолет - бесполезная игрушка.

Каждая история случилась с реальными людьми. В реальных местах, которые можно найти на карте.

Вы конечно прочитаете эти истории. Потому что любопытство – это такой же инстинкт, как и страх. Только гораздо более коварный.

Итак, перед вами – «Шокирующие встречи с неведомым». Очередной сборник из серии «НЕВЕДОМОЕ». Здесь есть только то, что люди видели своими глазами, чувствовали, испытывали страх, переходящий в ужас и панику. И то, что они до сих пор не могут забыть и объяснить.

Приятного вам... чтения. Если, конечно, оно будет приятным.

Евгений Павлов-Сибиряк

Откровения сталкера

Я по жизни непоседа. Моя душа требует не просто движения, а проникновения – в глубину, в забвение, в те места мира, которые цивилизация за собой запечатала, вынужденно отступая. Возможно, навсегда. Это не туризм, не любопытство – это голод. Голод по грани, по тому леденящему касанию к настоящему, которое не спрятано под роскошью и лоском. При любом удобном случае, при наличии свободного времени отправляюсь в путешествие. В длинное, короткое – не важно. Главное – посетить новое необычное место.

Кроме любимых походов по тайге, лесам, есть у меня ещё одно экстремальное хобби, которое нынче принято называть урбан-трипом. Простыми словами – это посещение заброшенных промышленных и военных объектов, наземных и подземных, брошенные посёлки, так называемые «мёртвые города», различные недостроенные комплексы и т. д. Это путешествие в прошлое, которое ещё не умерло, но притаилось, заржавело и смотрит на тебя пустыми глазами окон. Это хобби идеально для тех, кто жаждет ярких и неординарных эмоций, кто любит испытывать свои нервы на прочность и интересуется погружением в атмосферу забытых советских тайн. Но сразу скажу, что, кроме желания, претенденту нужно быть соответствующим образом экипированным, укомплектованным, физически и психически подготовленным и обязательно – стрессоустойчивым. Потому что там, внизу или в глубине, ты не свой. Ты – гость, и совсем не желанный.

За двадцать лет скитаний по заброшкам я хорошо знаю, что бетонное нутро не прощает ошибок. И каждый раз, когда вхожу в очередную тёмную пасть, внутри меня шевелится холодное, липкое ощущение, которое не притупляется со временем. Я чувствую его кожей, как чувствуют приближение грозы – затылком, спиной, каждым нервом. И знаю: это не просто предчувствие. Это память, которую я набрал за годы, и она всегда со мной.

Ещё в школьные годы началось это необычное увлечение: мы с друзьями из соседнего двора часто гуляли по окрестностям, где находились заброшенные промышленные зоны. Мы забирались в цеха, где ещё пахло соляжкой и металлической стружкой, и чувствовали себя первооткрывателями руин недавно рухнувшей советской империи.

К таким местам можно относиться по-разному: кому-то это просто интересно, одни надеются там найти нечто необычное, другим нравится окунаться в особую атмосферу покинутых мест. А для нас, сталкеров, это – проверка. Себя, дружбы, границ заброшенной реальности. В общем, о вкусах не спорят. Конечно, путешествие в заброшки нельзя назвать безопасным занятием, приходилось сталкиваться с разными рисками.

Есть вполне обоснованные причины для беспокойства, особенно если недалеко от заброшки находятся обитаемые места: можно встретить на объекте и стаи озверевших собак, маргиналов, бомжей, да и просто пьянь из какого-нибудь ближайшего посёлка, это всё банально. Гораздо страшнее тишина. Тишина многометровых бетонных коробок, которую иногда нарушает лишь ветер сквозняков да шорох наших осторожных шагов.

Побывав за годы в десятках, если не на сотнях покинутых мест, с абсолютно разными по характеру людьми, а иногда и в одиночестве, повидал и почувствовал разного. Не скажу, что уж очень много, но бывало. И чем дальше от населённых мест, тем встреча с неизвестными, неведомыми явлениями всё более вероятна. Как будто цивилизация не просто ушла, а освободила место для чего-то старше, равнодушнее и... опаснее. Очень часто разные силуэты, тени мерещились членам нашей команды на руинах и в тёмных пустых подземных коридорах – это самое распространённое явление. Конечно, тут всё можно списать на игру света и на подсознание, которое невольно пытается населить такие места призраками, образами людей, давно их покинувшими. Но не всё так однозначно. Расскажу несколько ситуаций из моей практики, а вы уже сами решайте, что это было.

Неоднократно случалось, и я, и мои камрады слышали необъяснимые громкие звуки, шорохи в пустых, наглухо закрытых гермодверями бетонных помещениях, куда даже вездесущим крысам нет возможности пролезть, если дверь закрыта. Шорох был сухим, будто по бетону пересыпали крупную гальку. Всякий раз, когда я касался холодной ручки гермодвери, по моей спине пробегала та самая дрожь, которую научился не показывать. Я слышал, как за бетоном шуршит что-то живое, но не человеческое, и в такие мгновения мой опыт летел к чертям. Чувствовал, как волосы на затылке встают дыбом, а пальцы, сжимающие фонарь, немеют. Я заставлял себя дышать ровно, но выдох всегда выходил прерывистым, с хрипотцой. «Это просто звуки», — твердил я себе. Но внутри меня жило другое знание: в этих стенах есть кто-то, кто не хочет, чтобы его видели. И его шаги за дверью — это не игра.

Конечно, в подобной ситуации, каждый раз проверяли, и лично убеждались: комната герметично закрыта, ни вентиляции, да и вообще никаких дыр в бетонных плитах не было. Но мы четко слышали в ней посторонние звуки. И звук этот всегда был за дверью. Стоило её со скрипом открыть — воцарялась мёртвая, пыльная тишина.

Однажды на крупном брошенном заводе два камрада из нашей группы отчетливо слышали звуки, голоса, но не какие-то призрачно-зовущие. Нет. Просто секунд десять из окружающей тишины выхватывались громкие куски «рабочей атмосферы» этого места, когда оно еще жило, производство действовало: гул работающего цеха, механизмов, неразборчивые голоса, крики рабочих. Звуки были объемными, стереофоническими, звучали одновременно со всех сторон, словно ребята внезапно оказались посреди работающего цеха. Они потом рассказывали: «Будто на действующем производстве оказались. Ненадолго. А потом всё выключилось». Когда они пересказывали это, у обоих дрожали руки — было видно, как они сжимали их в кулаки, пытаясь унять нервную дрожь. «Я чуть не обделался испугом от неожиданности, — выдавил один из них потом, криво усмехнувшись. — Стою, а вокруг меня шумит — завод, живой, настоящий. Аж сердце в пятки ушло».

Вот что это было? Проигрывание каким-то шутником записи исключается. Мы так и не смогли дать случившемуся логичное объяснение. Это не было эхо — это было воспоминание. Но чьё?

На одной полуразрушенной военной базе советских времён как-то увидели вдалеке человека, идущего ко входу в бункер. День был тусклым, небо затянуто свинцовыми облаками, свет плоский, без теней, расстояние между нами — около трехсот метров, поэтому сложно было разобрать лицо и одежду незнакомца. Он пригнулся и скрылся в темном провале прохода. Движение было чётким, быстрым, не призрачным. Подумали, что опять бомжи расквартировались — бывает иногда такое. Хотя именно там это было странно, поскольку место — конкретная глухомань в тайге, до ближайшего жилого посёлка было более 70 километров.

Когда дошагали поближе, поняли, что этот человек — очень высокого роста, поскольку вход оказался довольно крупным. Я при своих 180 см в него вошёл, абсолютно не беспокоясь за голову. А незнакомец пригнул голову. Но главное — это проржавевшая гермодверь в бункер, которую мы издали не разглядели и приняли просто за тёмный проход. Так вот, она была прикрыта, но оставлена щель шириной примерно в ладонь, и в таком состоянии почти намертво заклинена. При этом никто из нас четверых не заметил, как человек открывал и закрывал дверь. Были бы умнее, не стали бы влезать. Но мы молоды, самоуверенны и любопытны. А любопытство — это такой же инстинкт, как и страх, только гораздо более коварный.

На четверых у нас было две «Осы», «Удары», ножи, посох походный из срезанной неподалёку палки. Плюс уже сравнительно немалый опыт общения с отрицательными элементами. В общем, возомнили себя настоящими супергероями и решили действовать. Предварительно покричали в дверь какие-то глупости о плановой проверке территории, потребовали выходить, иначе стрелять будем. Надо сказать, что все мы были в камуфляже и берцах, двое в разгрузках, за плечами небольшие рюкзаки, на поясах прицеплено разное оборудование. В

общем, издалека нас можно было принять за военных. Однако на наши требования никто не отреагировал, из бункера не раздалось ответа, ни единого звука. Хотя в пустых помещениях обычно шорохи хорошо слышны – эхо. Тишина за дверью была плотной, глухой.

«Ну что, ребята, этот мужик не особо гостеприимен. Открываем», – произнес я, пытаюсь придать голосу уверенность, которой уже не чувствовал.

Попытались открыть дверь. Минут, наверное, двадцать надрывались, чтобы щель расширить – прижавело всё наглухо. Кое-как приоткрыли. Ржавчина осыпалась красной пудрой, скрип металла резал тишину. Налобники включили, «Осы» приготовили. Зашли, прикрывая друг друга. Воздух внутри был неподвижным, спёртым и пахнущим старой пылью, гнилым металлом и чем-то ещё – неприятным. Бункер оказался небольшой, вполне обычный – ряд ступенек вниз, коридор с изгибом и с десятков помещений, все, естественно, без окон. Ни в одном нет ни человека, ни следов его импровизированного жилища. Пыль на полу лежала нетронутым бархатным ковром, в котором отпечатались только наши следы.

До тех пор, пока не исследовали весь бункер, сохранялась вероятность, что он сквозной и кто-то уже давно покинул его с противоположной стороны. Но, как выяснилось, вход/выход оказался только один – второй хоть и имелся, но давно обрушился и был основательно завален землёй. Так и не поняли, что за человек был, но все четверо видели, как он туда зашел. Пока шли к бункеру, глаз от входа не отводили. А следов не обнаружили. Там пыли толстый слой, более десяти лет точно никто внутри не был. Когда понял, что чужих следов нет, у меня внутри всё оборвалось. Я стоял в этой пыльной тишине и смотрел на толстый слой пыли, в котором отпечатались только наши ботинки. Я обернулся к товарищам – их лица были серыми, как эта пыль, глаза бегали, и никто не решался первым нарушить тишину. Я почувствовал, как немеют пальцы, сжимающие фонарь, как в груди закипает холодная волна, которую не мог объяснить.

Но мы-то все видели – странного, большого человека. Он точно был. А потом – его не было. Как будто сам бункер на мгновение решил показать нам своего настоящего хозяина. Вот как этот случай объяснить? Не знаю.

У каждого объекта есть свой характер, своя энергетика. Были в одном промышленном подземном лабиринте – темень, сырость, холод, но все там чувствовали себя замечательно. Там было спокойно. Хочется вновь туда вернуться, зарядиться положительной энергией.

Но бывают места – плохие, которые вызывают необъяснимый жуткий страх. Даже среди белого дня, когда находишься недалеко от людей, внезапно мозг взрывается от жути, волосы на спине дыбом встают, ничего не хочется, только одного – побыстрее свалить. Бежать. В таких местах чувствую, как холодный пот выступает на лбу, а сердце начинает отбивать дробь, словно предупреждая: «Уходи, пока можешь». Мой разум, привыкший анализировать, отказывается работать – остаётся только инстинкт, который кричит громче любой логики. Я чувствую, как мурашки бегут по всей спине, от шеи до поясницы, как воздух вокруг становится тягучим, будто его нечем дышать.

Все члены нашей группы прекрасно осведомлены о том, что на людей влияют звуки из разных частотных диапазонов, которые иногда остаются незаметными для человеческого слуха. Это – инфразвук, способный вызывать у некоторых людей чувство тревоги или даже паники. На других он действует угнетающе. Инфразвук угнетает нервную систему и вызывает страхи, фобии. Человек боится, сам не понимая, чего. А, следовательно, и поступает неадекватно. Мы всегда списывали на это. Удобная теория. Но до поры до времени. Пока не столкнёшься с тем, что теория толком не объясняет.

Разное случалось. Посторонние движения в темноте видели все, в лучах фонаря замечали крупные мелькающие тени, особенно в обширных подземных помещениях. Тень, которая всегда уходит за угол, но никогда не производит звука. Иногда у людей в таких условиях бывает ощущение прикосновения: или кто-то за ногу, за одежду хватает, или по спине проводит, либо в щёку дышит. При этом не попадая в луч фонарика.

Как-то пришлось бороться с приступом паники у девушки, когда, по её словам, кто-то по щеке погладил. «Холодной рукой, – рыдала она, – шершавой, как наждак». Это произошло в пустом сервисном тоннеле с трубами, когда она туда сунулась, не дождавшись нас. Мы нашли её сидящей на корточках, обхватившей голову одной рукой, а вторая рука с фонарем металась из стороны в сторону. Когда я подошёл к ней, она дрожала так, что было слышно, как стучат её зубы. Глаза у неё были дикие, расширенные, зрачки занимали почти всю радужку – она смотрела сквозь меня, не узнавая. Я опустился рядом на корточки и положил руку ей на плечо, но она отшатнулась, как от огня, и забилась в угол. Я обвёл фонарём тоннель – никого. Только трубы, стены, и тишина. Но я видел, как она сжимает рукой щеку, как будто пытается стереть прикосновение, и я понял: она не врёт. В этом тоннеле было что-то, что коснулось её, и я, сталкер с многолетним опытом, не мог этого объяснить. И от этой неспособности дать ответ мне самому стало жутко.

А один опытный товарищ как-то расстрелял подряд все 4 патрона из «Осы», тоже под землёй. Кстати, в точно пустых помещениях. Мы в тот момент в соседнем коридоре находились. Так и не смог толком рассказать, во что палил. «Оно... Оно подошло совсем близко. Я даже его холод почувствовал», – вот и всё, что он смог выдавить из себя потом. Его лицо было белым, как мел, а руки тряслись так, что он не мог перезарядить «Осу».

Я взял его за плечи, встряхнул: «Тихо, старик, это нервы». Он посмотрел на меня пустым взглядом и выдавил: «Нет, не нервы. Оно там было. Я видел... нет, я не видел, но оно было». Мы там всё тщательно осмотрели, но ничего не нашли. А дальше находиться на этом объекте товарищ категорически отказался. Пришлось возвращаться к машине и домой ехать. А человек не пацан, психически совершенно стабильный, не один год его хорошо знал и в походы вместе постоянно ходили. После того случая он завязал со сталкерством. Возможно, навсегда.

Есть ещё такая всем известная штука, как страх тоннеля. Это – к теме необоснованных страхов. Когда, например, сервисные тоннели давно заброшенного советского промгиганта на многие сотни метров идут, многократно разветвляясь на уровне, как мы говорим, минус третьего подземного этажа. Некоторые из них частично обрушились, другие оказались частично затоплены. В любом случае, двигаться по ним следует осторожно, ведь на обход может уйти не один час, особенно если не торопиться. Кромешная тьма. Единственный свет – от фонарей. На полу бывает наледь, воздух мёрзлый даже в летнюю жару. Шорохи разные бывают, вода капает... И эхо – каждый шаг и каждый вздох слышен. Жутковато иногда бывает. Впереди только неизвестность. Я сам не раз ловил себя на мысли, что в таких тоннелях сердце начинает биться чаще, а шаг становится короче, словно ноги сами не хотят идти в эту черноту. Горло пересыхает, а воображение рисует картины, которые пугают сильнее любой реальности.

И что характерно, когда человек идёт не один, то вроде всё нормально. Но даже когда мы ходили по таким тоннелям втроём, некоторые из нас не решались идти последними, опасаясь, что сзади что-то не так. «За мной кто-то идёт, крадётся. Я не слышу, но чувствую», – говорили они. Их голоса становились нервными, они постоянно оглядывались, и луч фонаря метался по стенам, вырывая из тьмы лишь бетон и ржавчину.

А вот если один человек идёт, то уже не так редко начинает ощущать что-то неприятное. И чем дальше уходит, тем тревога сильнее. Сначала появляется неясный дискомфорт, потом тревога, хотя человек опытный, к таким местам привычный. Потом тревога усиливается, накачивается паника, появляется желание скорее выбраться, а дальше уже всё зависит от продолжительности нахождения в тоннелях и состояния сознания. Мне самому доводилось испытывать это: идёшь, и вдруг в затылок упирается чужой взгляд, такой плотный, что шея немеет. Ты начинаешь слышать шаги – не свои. Дыхание – не своё. Оборачиваешься – луч фонаря выхватывает лишь пустую, уходящую в темноту трубу.

Бывает, на некоторых камрадов такой приступ паники накатывает, что они выскакивают из тоннелей, словно обезумевшие, не задумываясь о риске упасть или провалиться. Потом

рассказывают, что чувство чужого присутствия стало под конец просто невыносимым. «Как будто меня выгнали». Я видел их лица после такого: серые, осунувшиеся, с лихорадочным блеском в глазах. Они хватали воздух ртом, как выброшенная на берег рыба, и долго не могли вымолвить ни слова.

На одном объекте сам, где-то с полудня, начал ощущать, как накатывает необъяснимый животный страх. Было ощущение того, что кто-то незримо присутствует рядом со мной и взглядом просто сверлит затылок. Поворачиваешься, осматриваешься – никого. Ощущения то спадали, то вдруг снова нарастали. Позвоночник кололи миллионы иголок, а волосы просто шевелились... Было четкое понимание, что меня оттуда настойчиво гнали. Поговорил с камрадами, они подтвердили, что чувствуют точно так же. «Это место, – сказал один, самый спокойный из нас. – Оно не хочет, чтобы мы здесь были». Я сжал в кулаке «Осу», и костяшки пальцев побелели от напряжения. Дыхание перехватило, когда я понял, что мы четверо, выдавшие виды мужики, стоим в пустом бетонном коридоре и боимся. Боимся так, как не боялись ни в одной перестрелке.

По идее, надо было сворачиваться, но в силу обстоятельств пришлось там заночевать. Никто из участников группы не смог как следует выспаться – преследовали тревожные мысли, беспокойство. Проснулись все разбитыми, подавленными, уставшими, как после тяжёлой, изматывающей работы. Я сам тогда проснулся от того, что сердце так бешено колотилось, будто я бежал марафон. Спальник был влажным от пота, и я лежал, вслушиваясь в темноту, прежде чем понял: ночь прошла, я жив, и хорошо, что этот кошмар позади.

А бывает и такая реакция на то же чувство – человек не может уже ни дальше по тоннелю идти, потому что там «что-то страшное ждёт», ни назад повернуть, потому что сзади тоже «что-то преследует». Я видел подобное, когда по рекомендации товарища в группу приняли его супругу, которая хотела «испытать себя». Мы сразу не хотели брать её. Но муж уговорил. Кончилось это тем, что из проверенного, пустого и безопасного, насколько это возможно, тоннеля, в который она ушла, мы слышали не жуткий визг. А... я даже затрудняюсь назвать, как назвать этот дикий звук, искажённый эхом. Бросились к ней, добежали, надо сказать, быстро, видим: она просто вжалась спиной в стену тоннеля, светом фонаря поливает в оба прохода и издаёт уже сиплый крик на каждом выдохе. Её лицо было перекошено, глаза выпучены так, что казалось, вот-вот выскочат из орбит. Потом, когда уже под солнцем успокоили, описала, что пойти не могла ни вперёд, ни назад – со всех сторон кто-то тянулся к ней из темноты. «Руки, – шептала она, – холодные, длинные руки». Муж её после этого с нами больше не ходил.

В общем, в разные игры человеческое сознание может играть, даже со здоровыми и выдавшими виды людьми. Хотя иногда трудно бывает сказать, где заканчиваются человеческие глюки, а где появляется другая, неведомая реальность. Хотя... где-то там, в бетонной пустоте, за поворотом темного тоннеля, в густой пыли бункера, она и начинается. И у неё свои правила. Свои неуловимые обитатели. И нам, сталкерам, лишь изредка позволяют краем глаза это увидеть. Или... почувствовать на своей щеке.

Рассказ по мотивам истории, которой поделился Ukeela

Жуткая ночь в горах

Есть в горах Заилийского Алатау такие потаённые места, куда цивилизация не заглядывала никогда. Но красота там необыкновенная. Виды открываются такие, что дух захватывает. Ради незабываемых моментов стоит там побывать хотя бы раз в жизни. Вот в одно такое место, в царство ветра, вековых гор и природной тишины, и направились мы с моим другом Романом, охотинспектором. Человек он многое видавший, с лицом, вырезанным морозами и солнцем, недоверчивый и крепкий, как корень арчи. Целью нашего путешествия были не охотничьи трофеи, а сама эта безлюдная глушь – прибежище покоя и подлинной тишины.

Рассчитывали на одно, но бонусом получили ночь жуткого страха. Ту ночь вспоминаю с содроганием: такого ледяного ужаса, когда каждый нерв звенит, как натянутая струна, я не испытывал ни до, ни после.

Оба живем в Алматы, поэтому грех в горы не ходить. Несколько лет назад в середине сентября поехали на Уазике Романа почти на границу Казахстана с Киргизией. Там на кордоне у знакомого егеря оставили свой вездеход. Дальше – только ноги, рюкзаки с запасами да два ружья: его ИЖ-43 «Фермер» и мой «Винчестер». Шли по едва заметным звериным тропам до сумерек, пока не вышли к реке, бегущей в тесной каменной горловине.

Место для ночёвки нашли редкое: небольшая площадка, прижатая к исполинскому трёхметровому валуну. За ним в камнях бежит река. Местность там безлюдная – глуше не бывает. Оборудовали лагерь, набрали дров, развели костёр. А тут и ночь настала. Солнце только скрылось за хребтом, и почти сразу такая темень опустилась, что в метре от нас ничего не было видно.

Поели, немного, буквально по глотку перцовки выпили для согрева. Сидим, болтаем, за нашими спинами высится огромный валун метра три высотой. А далее шумит река, несет свои чистые, студёные воды. Ружья стоят у дерева в полтора метра от нас. Пламя костра, алчное и дрожащее, отвоевало у тьмы лишь пятачок земли, освещало наши лица и давало блики на прикладах ружей. Темнота за кольцом света была абсолютной, живой и плотной. Настроение было прекрасное, мы даже тихо две песни спели. И вдруг... Внезапно опустилась непроницаемая тишина, все звуки мира умолкли. Остались только шум реки да потрескивание углей в костре. Мы замолчали одновременно, на полуслове. Роман, сидевший напротив, медленно поднял голову, и в его глазах, отражавших огонь, я увидел привычную настороженность охотника, щемящее, первобытное внимание.

И тут началось что-то невообразимое. В темноте, на расстоянии метров тридцати впереди нас, раздались шаги. Глухие, тяжёлые, дробные. Не просто шаги – громкий топот великана. Меня сковал ледяной паралич, пальцы вцепились в колени, а в груди будто оборвалось что-то – я не мог сделать вдох, только слушал этот грохот, который разрывал тишину. Страшно стало. Сидим в шоке, я шёпотом говорю: «Ром... Свети. Туда».

Он, не отрывая взгляда от темноты, молча взял и включил мощный «маглайт». Яркий луч фонаря, как хирургический нож, взрезал тьму на несколько десятков метров. Он выхватывал корявые стволы, мшистые камни, пустые глазницы промоин. А я, как на учениях, перекатился за спину к ружьям. Шершавая кора сосны ударила в ладонь. В темноте нащупал сначала холодный металл его «Ижа», потом – знакомую ложу моего «Винчестера». Кинул ему его ружьё.

Шаги затихли, но спустя несколько мгновений послышались звуки бега с противоположной стороны. Яростный, дикий бег по руслу реки, где камни лежали, как брошенные кости великана. Кто-то бегал вокруг нашего кольца света. То слева, то справа, то спереди, то, леденя душу, – снова за рекой, преодолев водную преграду. Он двигался против часовой стрелки, потом сломя голову менял направление. Это не было похоже на бег зверя – слишком хаотично, слишком... осмысленно и как-то злорадно. Камни в старом русле гремели, подскакивали и

бились друг о друга с сухим, костяным лязгом. У меня рост 185, я весил под центнер, но, переходя реку, не заставил камни так «играть». То, что носилось вокруг, было массивнее, несомненно, тяжелее. И с хорошим зрением, ведь там такая каменистая местность, что и днем можно навернуться, шею сломать.

Мы не прекращая светили фонарем в сторону пугающих звуков. Но не видели никого. Ровным счётом никого. Только камни да тени, которые дёргались и извивались, будто живые, от дрожания руки. Свет периодически упирался в противоположный берег – но там была лишь нависшая каменная громада.

– Пусто, – как заведенный хрипел Роман, и его голос был чужим.

Я видел, как побелели его костяшки на ружье – он сжимал его так, что пальцы стали восковыми. Глаза его бегали, зрачки расширились до чёрных точек, и я понял: он тоже на пределе.

Подбросили в костёр сучьев – пламя взметнулось ввысь, осветив ещё на пару метров вокруг. А затем отступили к самому валуну, встали спина к спине, чтобы контролировать максимум пространства. Стояли вцепившись в ружья, пальцы лежали на спусковых скобах. Напряжение висело в воздухе гуще дыма. Каждая клеточка тела кричала об опасности. Прошло двадцать минут, которые показались вечностью. И так же внезапно, как началось, всё прекратилось. Тишина вернулась, но теперь она была настораживающей, выжидательной.

– Йети, – глухо проронил Роман, наблюдая за лучом фонаря. – Это он. И если... если придётся стрелять, и завалим его, то ничего нам за это не будет. Не доказано существование – нет и запрета на отстрел. – Он попытался усмехнуться, но получился лишь оскал. Я увидел, как дрожит его подбородок — этот крепкий, суровый мужик, много раз до этого выдававший смерть, сейчас трясся как осиновый лист. И мне самому было жутко.

Объяснения произошедшему я не нашел. Животное? Нет. Животное – осторожно, оно скроется или пойдёт в атаку, а не станет водить хороводы во тьме. Человек? В этой глухомани, ночью, по таким камням, да в темноте? Смерти подобно. Да и тяжесть... Кто-то был очень большим. И очень быстрым.

Если таинственный йети существует, то там ему самое место и по высоте, и по пропитанию. Ведь там дичи, ягод просто море, а грибы прямо на тропинке растут, пройти невозможно, идёшь и давишь. Вообще вполне логично, мы своим появлением, да еще песнями, очевидно потревожили НЕЧТО (может, и йети), и это НЕЧТО специально стало шуметь и пугать нас, стараясь прогнать. Не думаю, что какое-то животное стало бы себя так вести, оно, скорее всего, наоборот, затихарилось бы. Если, конечно, это не самец гориллы, вот те-то как раз начинают шуметь и ломать молодые деревья. Только вот гориллы у нас не водятся.

Прошло часа два. Больше нас никто не пугал. Накопившаяся усталость давала о себе знать. Но спать ложиться было безумием. Решили держать вахту: час один, час другой, поддерживая огонь. Спальники стелить не стали – сидели на них, прикрываясь. Холод, пробирающий до костей, смешивался с внутренней дрожью. Время тянулось бесконечной тяжестью. Ночь до самого рассвета с ружьями в обнимку провели. Было не по себе, но ничего, всё обошлось. Я не сомкнул глаз ни на минуту – каждый шорох в темноте заставлял сердце биться чаще, а рука сама тянулась к спусковому крючку. К рассвету я был выжат, как лимон, но облегчение от того, что мы выжили, перекрывало всё.

Утром собрались и пошли дальше по маршруту. Но сначала с первым, серым светом изучили прилегающую местность, где слышали шаги неизвестного великана. Но ни каких следов не обнаружили. Хотя какие следы на камнях? Каменное ложе реки молча хранило тайну.

Зато рядом с нашим лагерем, нашли странный, скрытый от глаз, колодец – яму в земле шириной два на полтора, в глубину два с половиной метра. Стенки как сруб выложены и бревна очень старые, почерневшие, сгнившие. А это сколько труда надо было потратить, чтобы в почти скальной породе такое выкопать! Работа титаническая, не для одного дня и не для одного

человека. И при этом рядом с рекой. Зачем? Что это? Колодец? Могила? Трудно сказать. Мы стояли над загадочной ямой, безмолвные, чувствуя, как холодок от этой находки пробирает глубже ночного страха.

– Шаманская могила, что ли? – пробормотал Роман, сдвинув шапку на затылок.

А ведь тогда друг, возможно был близок к истине. Потом, уже будучи дома я по телику документальный фильм смотрел о том, как на Алтае нашли могилу с мумией, возрастом старше Египетских. Так вот, могила в фильме была точь-в-точь как обнаруженная нами яма. Может мы потревожили дух какого-нибудь шамана? А может и нет, кто его знает.

Потом, когда пришли на кордон забирать машину и рассказали егерю о ночном происшествии, то он был весьма озадачен. Говорил, на его участке медведь ходит, даже корову задрал, но медведь так себя не ведет. Он на свободе не цирковой артист. Если бы захотел, то по-тихому бы ночью зашел к нам спящим, а тут такое громкое представление началось. Медведь – зверюга тихая, осторожная, так себя не ведет. А про найденную нами странную яму ничего не знал, пообещал сходить проверить.

Сходил или нет, не знаю, поскольку в тех местах мы больше не были. С кем или чем той ночью повстречались, так до сих пор неизвестно. Но страшно было так, что каждый раз, когда вспоминаю, меня всего передергивает.

Прошли годы. А та черная ночь на берегу горной реки – не отпускает. Это был не просто страх. Это было столкновение с правилами иного мира, где тёмное ущелье помнит ритмы, нам неведомые. То ли дух древнего захоронения встревожили наши песни, то ли еще кто-то решил поиграть с незваными гостями. Мы так и не узнали, кто носился вокруг нас, ломая законы тяжести и здравого смысла. Но знаю одно: есть в горах места, где лучше не разбивать лагерь. Потому что из тьмы может заявиться неизвестное НЕЧТО. И никто не знает, чем могут закончиться его жуткие игры. Нам, возможно, повезло. Остались живыми.

Зона панического ужаса

Рассказ написан по мотивам жуткой истории, которой поделился читатель с ником maioг.

Я не считаю себя трусом. Мне не стыдно так заявить, потому что это не хвастовство, а констатация факта. С детства меня отец воспитывал бесстрашным. Потом война за речкой в Афганистане. Там, где смерть поджидала за каждым камнем, за каждым дувалом. Я видел, как умирают чужие и свои. Но научился не поддаваться панике, контролировать ситуацию – там, в той войне, это было условием выживания. Потеряешь контроль – погибнешь. Или подставишь товарищей.

После войны думал, что бояться уже нечему. Много жуткого повидал, пережил. И считал, что во мне не осталось того первобытного животного страха, который сковывает движения и леденит кровь. В самом начале такое бывало. Потом перегорел. Появились привычки, выработанные на боевых выходах. Страх, конечно, оставался, ведь его не испытывает только глупец. Но думал, что могу его контролировать всегда. Однако жизнь на гражданке показала – я ошибался.

В жизни было три случая, когда паника захватывала меня полностью. Два из них, возможно, нашли логическое объяснение, хотя и не сразу. Третий – до сих пор саднящая загадка. И, наверное, никогда не будет разгадана.

Первый случай. Осень 1987 года. Через четыре года после возвращения из Афгана. Я тогда уже второй год работал с геологами в Восточном Казахстане, неподалёку от плато Укок. Места там не просто суровые – они величественные и пугающие одновременно.

С высоты вершины холма, где я тогда сидел, открывалась панорама, от которой захватывало дух. Вокруг расстиралось само плато – гигантская высокогорная равнина на высоте больше двух километров над уровнем моря. Трава на ней высокая, густая, кое-где серебрились озёра – их там, говорят, больше семисот. Вокруг равнину обрамляли горные хребты с острыми, как клинки, вершинами, на которых даже в августе лежал снег. Деревьев почти нет. Только камни, трава, высокий кустарник, вода и небо. Бескрайнее, почти чёрное к вечеру небо, усыпанное бесконечным звездам.

Нравилось это место. Оно казалось честным – без прикрас, без обмана. Здесь не спрячешься, не притворишься. Только ты и горы. И ветер, который гуляет по плато, как неприкаянная душа.

В тот день я сидел в одиночестве на вершине невысокого холма и смотрел на закат. Вокруг – тишина, только ветер шуршит по сухой траве и где-то далеко, у подножия, перекликаются сурки. И вдруг... слышу звук. Необычный, тревожный, нарастающий. Словно кто-то жутко воет, но не рядом. А вокруг, везде. Приближается со всех сторон. Сердце забилося быстрее, дыхание перехватило. Я вскочил, огляделся – никого. А звук всё рос, заполнял собой пространство, давил на мозг. И тут я понял, что он не снаружи, внутри. В голове. В груди. В каждой клетке. Стало жутко. Охватил панический страх – но не тот, животный, который парализует. Этот был преодолимым. Я заставил себя дышать ровно, раз, два, три, как учили в медсанбате, сосредоточился на точке на горизонте. Через пару минут понял, что паника отступает. Но осадок на душе остался. Тот самый осадок, который я носил в себе после каждого боя, – чувство, что контроль ускользает. И это пугало меня больше, чем любой враг. Вскоре и необъяснимый вой стих. А состояние опустошенности осталось.

Потом, в лагере, старый геолог объяснил мне:

– Это инфразвук, парень. Сдвигаются горные породы где-то глубоко, под плато. Мы его не слышим, но мозг воспринимает. Отсюда – страх, паника. Ничего сверхъестественного. Просто игра частот.

Я тогда поверил ему. Легко верить в то, что укладывается в голове. Инфразвук – и точка. Ощущение, что жуткий, парализующий вой идёт изнутри, из самой сути, осталось. Навсегда.

Прошло два года, я продолжал сотрудничать с геологами в том же районе, неподалёку от плато Укок. За это время у меня появились собаки – две. Это отдельная история, которая заслуживает внимания.

Недалеко от нашего лагеря находилась старая «дорога для перегона овец», которая использовалась ещё до войны. По этому скотопрогонному тракту из Монголии в Казахскую ССР гнали огромные стада – иногда их насчитывалось сотни, а то и тысячи голов. Пастухи-перегонщики, работавшие в этих местах, вели отары через плато Укок, чтобы доставить их на мясокомбинаты в Семипалатинск и Усть-Каменогорск. Путешествие было долгим и занимало более тысячи километров, растягиваясь на несколько месяцев. Вместе с людьми по дороге шли и собаки – волкодавы, специально обученные для охраны стада, они были выносливыми и агрессивными.

Перегонщики, в отличие от пастухов, которые вели оседлый образ жизни, не проявляли жалости к собакам. Если животное заболело, теряло силы или переставало быть полезным, его просто оставляли на произвол судьбы. Часто собаки становились добычей волков.

К нашему лагерю прибилась собака. Она была огромная, чёрная, с густой, свалывшейся шерстью. Всё её тело покрывали раны, оставленные, судя по всему, волками. Собака была очень худой и истощённой, но её глаза – человеческие. Она смотрела на нас так, словно понимала, что, если мы не вмешаемся, ей не выжить.

Геологи, опытные люди, не стали прогонять животное. Мы все, но особенно я, ухаживали за ней: кормили с рук, обрабатывали раны, давали воду. Она быстро выздоровела и осталась с нами. Мы назвали её Чернушкой. Позже я узнал, что это тобет – казахская порода волкодавов, выведенная для охраны стад. Эти собаки вырастают крупными, отважными и невероятно преданными своему хозяину. Именно таких животных ценили пастухи.

Вторая появилась позже. Это был пёс. Я нашёл его в горах, когда пошёл на охоту. Он лежал под скалой. Огромный, чёрный, с густой шерстью. Пёс был сильно поврежден – рваные раны на боках. Судя по следам вокруг, схватка была жестокой. Он дрался с горным медведем, который в этих местах не вырастает до огромных размеров, а остаётся небольшим – килограммов под двести, не больше. Но злым и цепким. Когти у таких медведей длинные, почти белые, шерсть буровато-серая, под цвет камней и лишайника. И характер – если уж полезет – не отступит.

Пёс победил. Медведь лежал неподалёку – мёртвый, с разорванным горлом. Но и пёс был при смерти. Три глубокие раны на боку, сломанная лапа, рваное ухо. Он смотрел на меня – и в его глазах не было страха. Была только боль и, странное дело, надежда.

Я выходил его. Перевязывал, кормил с рук. Он не рычал, не скулил – терпел, пока я обрабатывал раны. Назвал его Таймас -непобедимый.

Собаки, особенно тобеты, способны распознавать тех, кто их спас. Мои верные спутники Чернушка и Таймас всегда следовали за мной, делили со мной палатку и защищали от любых угроз. Мы часто общались без слов – достаточно было взгляда или движения, чтобы понять друг друга. Их присутствие придавало мне уверенность и спокойствие. Они не боялись ни волков, ни медведей. На охоте они шли впереди, уверенно брали след, и в случае опасности предупреждали меня рычанием. Я полностью доверял им, как никому другому.

В тот день после обеда пошёл в горы. Собаки, как обычно, со мной. Захотелось подстрелить сурка или, если повезёт, косача. Я знал, что неподалёку есть лощина, где водится дичь. Бывал там. Через неё можно было выйти к соседнему лагерю ботаников – они приезжали на плато для изучения редких растений. В их лагере, как поговаривали геологи, «девок много», и я подумывал заночевать у них.

Мы следовали привычному пути. Солнце склонялось к горизонту, и тени становились длиннее. Я взобрался на холм и остановился, чтобы оглядеться. Впереди простиралась лощина. Она выглядела так же, как всегда – углубление между двумя пологими склонами, покрытое густым кустарником и высокой травой. Однако в тот день мне показалось, что она словно наблюдает за мной. Как будто это был прищуренный, тёмный зрачок.

«Странно», – подумал я. – Видел это место раньше, и ничего такого не замечал».

Спускаясь, вхожу в лощину. Тропа сужается, превращаясь в коридор с высокими стенами из колючего кустарника. Ветки нависали сверху, образуя живой тоннель. Света становилось всё меньше. Я почти ничего не слышал – только своё дыхание и мягкий стук сердца. Собаки шли впереди, метрах в тридцати, пятидесяти. Я видел их чёрные спины, мелькающие между кустов. Они двигались уверенно, как обычно, вынюхивая что-то.

И вдруг собаки остановились – как вкопанные. А потом резко развернулись и побежали ко мне. Я никогда не видел их такими. Ведь они не боялись ничего – ни волка, ни медведя. А сейчас... Шерсть на них стояла дыбом, глаза выкатились из орбит. Они бежали, подвывали, смотрели на меня с таким ужасом, что у меня самого кровь застыла в жилах.

– Вы чего? – крикнул я, вскидывая ружьё. – Стойте!

Они продолжали движение, и я едва не спустил курок – чисто инстинктивно, ведь их поведение напоминало диких животных. Но в последний момент я осознал: они не агрессивны. Они напуганы. Меня они не тронут. Они просто пытаются спастись.

Они чуть ли не сбили меня, жались к моим ногам. Огромные, сильные собаки, которые могли разорвать любого хищника, сейчас жались ко мне, как малые щенки, и были так, что у меня закладывало уши. Я видел, как их тела сотрясает крупная дрожь, как из пастей капает слюна – они были в состоянии, которое я не могу описать словами.

И тут меня охватило нечто. Это было похоже на сильный испуг. Но не такой, как в Афгане, когда пули свистели вокруг. Это было нечто большее, чем просто страх. Это был ужас. Чистый, первобытный, не имеющий ни причины, ни логики. Он сжал мою грудь так, что я не мог дышать. Челюсти свело, волосы на затылке и на руках встали дыбом. Всё, что я знал о контроле, о выдержке, о войне, — всё это рухнуло в один миг. Показалось, кто-то огромный и невидимый стоит за спиной и дышит мне в затылок холодом. Я быстро повернулся. Но не увидел ничего опасного. Не услышал ничего подозрительного. Тишина, бездонная. Но мозг – или что-то глубже – бил тревогу. Подавал одну команду, леденящее «БЕГИ!».

Но бежать было некуда. Сзади – тот же живой коридор, те же стены из кустарника. Ноги стали ватными, непослушными. Меня охватила мелкая трясучка. Состояние – невыносимое. В какой-то момент понял, что не в силах перенести ужас и готов пустить пулю себе в лоб. Казалось, ужас сильнее меня. Я поднял ружьё – не на врага, потому что врага не было. Я просто хотел, чтобы это прекратилось. Чтобы всё прекратилось. Хотя бы ценой... Самой высокой ценой.

Меня остановила привычка. Та самая, выработанная годами: пока в руках оружие, ты – хозяин положения. Ты – лютый зверь, который сильнее любого другого хищника. Я нажал на спуск. Грохот сдвоенного выстрела! Отдача ударила в плечо. На мгновение ужас отступил. Тишина, которая пару минут назад давила, разорвалась выстрелом, и я снова мог дышать.

Я перезарядился. Снова выстрелил. В другую сторону. Отдача, грохот, и – снова пере-дышка.

Собаки забились под ноги, я едва не наступил на них. Но оружие – моя привычка – не давало мне остановиться. Я стрелял влево, вправо, вверх – просто чтобы слышать этот грохот. Он был единственной защитой от ужаса, который шёл волнами со всех сторон. Я буквально чувствовал, как эти волны накатывают – липкие, холодные, с разных направлений. Физически ощущал их, как давление.

Я стрелял, перезаряжался, стрелял снова. Не помню, как вырвались из лощины. Патрон-таш опустел. Я выбежал на холм, собаки выскочили вперед – неслись, как ошпаренные, и я не отставал. Мы бежали, не оглядываясь.

В наш лагерь вернулся, когда уже стемнело. Геологи, сидевшие у костра, потом рассказывали: пришёл молча, вид жуткий, весь в крови, лицо белое как бумага, забрался в палатку, и тут же уснул. С ружьем в руках. Они спрашивали, что случилось – я ничего не отвечал. Просто отключился, потух как электролампа.

Пришел в сознание утром. Голова тяжелая, глаза болят. Посмотрел на свою одежду – афганка, которую я надел на охоту, была вся в крови. Спереди. Я осмотрел себя – ранений не было. Тогда откуда кровь? Посмотрел в зеркало и понял: из носа. Во время приступа ужаса, от перенапряжения, у меня пошла кровь. И, видимо, в глазах лопнули сосуды – глаза красные, как у вампира.

Собаки лежали в углу палатки, свернувшись в клубок. Они спали мертвецким сном. Двое суток не выходили из палатки. Без еды, без воды – просто отходили от того, что случилось. Я понял: мы все трое пережили что-то, что не поддаётся контролю. И я, ветеран, привыкший управлять паникой, был бессилен. Это было страшнее любого боя.

Но страшно было также из-за того, что я не мог всё вспомнить. Я помнил вход. Помнил, как собаки побежали назад. Помнил ужас. Помнил выстрелы. А между ними – провал. Будто кто-то вырезал кусок плёнки и заклеил пустотой.

Вечером я подошёл к старшему геологу.

– Слушай, – сказал я, – ты много знаешь о горах. Что там может быть? В лощине? Инфразвук?

– В той лощине? – нахмурился он. – Инфразвук бывает везде. Если бы ты попал под воздействие инфразвука, то мы бы здесь его тоже почувствовали.

– А собаки?

Он помолчал.

– Собаки чувствуют лучше, чем человек. Может, там что-то есть такое, чего мы не видим.

Потом я обратился к местным жителям с вопросом о той лощине. Они сразу стали предостерегать меня: «Не ходи туда, это очень опасно». Один пожилой аксакал, произнеся молитву, сказал: «Там обитает шайтан, или нечто ещё более страшное. Не ходи туда, сынок, забудь об этом».

Но я не мог забыть. Пытался. Несколько раз возвращался в те места – не в лощину, а рядом, на холмы. Смотрел оттуда. Видел ту самую зелёную впадину, которая выглядела обычной, ничем не примечательной. Но внутренний голос говорил: «Не надо ходить».

Так и не пошел.

Третий случай. Тоннель. 1998 год. Прошло почти десять лет. Я уже давно не работал с геологами. Жил в городе, работал в телекоммуникационной компании. И однажды мы с напарником спустились в подвал одного из старых зданий – нужно было проверить кабель.

Там мы неожиданно нашли гермодверь, а за ней небольшой бункер, из которого вел странный тоннель. Скорее всего, это было сооружение гражданской обороны. Бункер небольшой, ряд ступенек вниз, коридор с изгибом и несколько помещений. Пыль на полу, на котором отпечатались только наши следы. В конце находилась еще одна гермодверь, а за ней вход в туннель – узкий, низкий, проложенный глубоко под землёй. Воздух внутри неподвижным, спёртым. Заинтересовались, решили, что это выход из бомбоубежища. Решили пройти. Два чудика. Включили налобники, отправились искать приключения на свои пятые точки. Думали недалеко. Фонарики освещали бетонные стены, пол, по которому иногда хлюпала вода. А тоннелю конца и края не было. Глянули на часы. Миновало полчаса, за которые прошли примерно три километра.

Потом бетон кончился. Началась растрескавшаяся земля. Мы шли дальше – из любопытства. И вдруг, на ровном месте, без всякого видимого повода, на меня накатила волна жуткого страха. Показалось, что-то невидимо подошло совсем близко. Я даже его холод почувствовал. Фонариком свечу, ничего не вижу. Сердце заколотилось, ладони вспотели, волосы на затылке встали дыбом. Я замер как вкопанный, и в этот момент всё моё боевое прошлое улетело в трубу. Я не мог пошевелиться, не мог крикнуть – только стоял и чувствовал, как этот ледяной холод проникает в грудь, сковывает лёгкие.

Мы с напарником переглянулись. Я уверен у меня было такое же лицо – испуганное, бледное.

– Ты тоже это чувствуешь? – прошептал он.

– Чувствую.

Я не знаю как-то вышло. Наши ноги сами стартанули, без нашей воли. Мы бежали, спотыкаясь, цепляясь за стены. Оба чувствовали, что за нами кто-то гонится. Спиной, затылком – там, в темноте, что-то было. Жуткое. Опасное. И оно нас нагоняло. Мы не оглядывались – боялись увидеть.

Когда наконец-то выскочили за гермодверь, глянули назад, Тоннель был пуст. Никто не гнался за нами. Закрыли, задраили дверь и долго не могли отдышаться. Я сел на бетонный пол, – перед глазами плыли пятна, а руки тряслись так, что не мог расстегнуть куртку. Мы сидели, молчали, я смотрел на свои пальцы, которые не слушались. Прошло минут пятнадцать, прежде чем оба пришли в себя.

Потом прочитал, что в старых сооружениях иногда скапливаются газы – радон, метан, другие, без запаха и цвета. Они могут вызывать галлюцинации, панические атаки, даже потерю сознания. Может быть, это был газ. А может – что-то другое. Я выбрал версию с газом. Её легче принять.

Послесловие. Я – не мистик, я - реалист. Я верю в то, что можно измерить, потрогать, доказать. Как в первые и третьи случаи. Благодаря геологу могу объяснить услышанный вой в горах - инфразвуком. Могу списать панику в тоннеле на газовое воздействие. Однако панический ужас в лощине – не могу. Этот случай в лощине... он остался за гранью логики.

Я не знаю, во что мы втроем вляпались там. Бесстрашные собаки и я, все в один момент испытали дикий панический ужас. Собаки, которые не боялись ни волков, ни медведей, бежали от чего-то невидимого. А я, прошедший войну, готов был пустить себе пулю в лоб, только чтобы прекратить этот ужас.

Но твердо уверен: есть на земле места, куда лучше не соваться. Не только потому, что там плохо – а потому, что там находится то, чему у нас нет названия. Эти места -зоны панического ужаса. Мне повезло, я и собаки выжили в одной из них. Но у меня нет желания проверить, что там будет во второй раз.

Анклав страха на Кузнечном

Питер середины девяностых был не городом, а состоянием души. Состоянием нервным, лихорадочным, раздвоенным. Над Невой по-прежнему висела имперская мощь гранита и позолоты, а в подворотнях Центрального района уже царил закон барахолок, ларьков «Союзпечати» и глаз-прицелов, оценивающих прохожих на предмет «потянет – не потянет». Я, молодой еще опер, возрастом за двадцать пять, работавший в одном из таких районных ОВД, по долгу службы знал этот слой города лучше, чем собственную квартиру. Вернее, ту комнатуху, что снимал на Кузнечном. Знакомый «браток», у которого выбивал долги для потерпевшей бабки, как-то по-пьяному посоветовал: «Серег, там дешево, в центре, только подъезд тот... веселый». Он хитро подмигнул. Я решил, что речь о крысах или вечных пьяницах. Ошибся. Но эта ошибка научила меня главному: есть враги, которых не посадишь, не возьмешь с поличным, и есть страх, против которого служебный «Макаров» и служебное удостоверение – просто кусочки металла, бумаги и кожи. В тот дом я въехал с легкомысленностью человека, привыкшего к уличным разборкам, и не знал тогда, что страшнее пуль бывает гнетущая тишина, которая ждёт тебя за порогом.

Дом был как многие в тех краях – махина дореволюционной постройки, некогда богатый доходник, а на тот момент – обшарпанный, пропитанный вековой сыростью и усталостью гигант. Парадная пахла кошачьей мочой, дешевым хлором и чем-то глубоко запрятанным, кислым – запахом времени, перебродившего в бедности и равнодушии. Лепнина на потолках была похожа на застывшие гримасы, а тени в углах лестничных клеток лежали слишком густо, слишком неподвижно, будто были частью отделки.

Моя комната в коммуналке на третьем этаже выглядела ловушкой. Высокие потолки давили, окна выходили в тесный, вечно сумрачный двор-колодец. Обои отходили лепешками, обнажая штукатурку с призраками старых обоев, слой за слоем, как геологические пласты чужой, забытой жизни. Но это был центр. И дешево. А для опера, чья зарплата в лихие 90-е была больше предметом горьких анекдотов, чем средством к существованию, – весомый аргумент.

Сначала я списывал всё на усталость. Служба в милиции – не санаторий: ночные дежурства, погони, стресс, который копится в мышцах стальным зажимом. «Нервы, – говорил я себе, – Просто нервы шалят. Легкий невроз на фоне хронического недосыпа и вида людского дна. Лечится тренажерным залом, бегом и здоровым цинизмом». Я ходил в качалку, гонял себя до седьмого пота, пытаюсь загнать усталость тела так глубоко, чтобы ей стало не до мистики. Но дом на Кузнечном имел свои планы.

Явления начались с малого, но от этого не становились менее реальными.

Сначала думал - сонный паралич. Не медицинский термин, а личный ад. Просыпаешься среди ночи от чувства, что в комнате кто-то есть. Мозг уже включен, а тело – бетонная плита. И над тобой, в сантиметре от лица, нависает эта... фигура. Не тень, не пятно. Силуэт мужской, плотный, будто вырезанный из куска абсолютной тьмы. От него веяло не холодом, а пустотой, вакуумом, высасывающим из легких воздух, а из мозга – саму возможность крика. И самое жуткое – его внимание. Он не просто был. Он наблюдал. С профессиональной, беспристрастной, хищной оценкой. Я, привыкший смотреть в глаза бандитам, не мог выдержать этого безликого взгляда. Внутри все кричало, а тело не слушалось, пока этот ужас сам не отступал, тая в воздухе, как дым.

Я лежал, вжавшись в матрас, и чувствовал, как по спине течёт липкий, холодный пот. Рука сама потянулась к пистолету под подушкой, но пальцы не слушались – они онемели, будто я отлежал их. Я слышал, как сердце колотится в висках, и не мог сделать вдох, потому что фигура заполняла собой всё пространство, высасывая воздух. Она смотрела – не в глаза, а

сквозь, в самую суть, где обычно прячется страх. Я знал: если пошевелюсь, если он поймёт, что я его вижу, – всё, писец. Я пролежал так, пока он сам не испарился, оставив после себя только холод и пустую, мокрую простыню.

Потом пришли сны-матрешки. Ты просыпаешься во сне, понимаешь, что спишь, и радуешься. А потом «просыпаешься» снова. И еще раз. И так пять кругов ада, пока не теряешь всякую уверенность, где реальность. В этих снах я всегда пытался убежать от одного и того же – гудящего клубка густой тьмы, висящего в углу комнаты. Он не просто гудел. Он вибрировал, и эта низкочастотная какофония, похожая на рев тепловоза под землей, входила в резонанс с костями черепа. Было четкое, физическое ощущение, что клубок затягивает, как воронка. И мысль, кристально ясная: если засосет – не умрешь. Станет хуже. Исчезнешь в чем-то бесконечно более чужом и равнодушном, чем смерть.

Были и чисто физические явления, которые уже никак не спишешь на сон. Однажды, вернувшись с ночного дежурства, я просто не смог зайти в свою комнату. Рука на ручке, шаг вперед – и я уперся во что-то. Не в воздух. В упругую, плотную, абсолютно невидимую стену. Она не была холодной или горячей. Она просто была, заполняя весь дверной проем. И она говорила «нет». Четче и категоричнее любого человеческого слова. Это было ощущение сильнее, чем все мои знания, сильнее силы, сильнее логики. Знание говорило: «Твоя комната там. Ты должен зайти». А эта стена заявляла: «Нельзя. Ни за что на свете».

И я отступил. Отступил как нашкодивший пёс, и в этом не было ни капли мужества. Мой «Макаров», моя ментовская корочка, мой опыт – всё это разбилось о невидимую преграду, которая просто взяла и перекрыла вход. Я стоял в коридоре, прижавшись спиной к стене, и не мог дышать – горло перехватило так, будто меня душили. В груди разрастался тот липкий, иррациональный ужас, от которого не спасает ни оружие, ни удостоверение. Через полчаса стена исчезла, но внутри меня остался холод, который я не мог вытравить даже водкой. Это было не просто «нельзя» – это был приказ, и я, опер, привыкший командовать, подчинился безмолвной воле чужих стен.

Я осторожно вошел в комнату, но там ничего постороннего не было. Лишь висел знакомый, тяжёлый запах одиночества.

Еще были необъяснимые случаи. Один произошел редким вечером, когда в комнате на Кузнечном было не жутко, а просто неуютно. Собрались у меня трое приятелей: коллега-опер Лёха, его жена Ира (медсестра, скептик до мозга костей) и мой старый друг Жека. Сидели за столом, пили чай из гладких фаянсовых чашек – фарфоровой посуды в моём обиходе не водилось. Разговор крутился вокруг работы, быта, каких-то абстрактных тем, далёких от чертовщины.

Комната была освещена ярко – я к тому времени уже усвоил, что свет отгоняет худшие видения. Воздух был наполнен запахом заварного чая, печенья и нормальной, человеческой жизни – того самого островка, который я пытался отвоевать у дома.

И вот, в паузе между разговором, это началось.

Сперва никто не понял. Просто край одной из чашек – той, что стояла перед Ирой – чуть сдвинулся, скользнув по столу на сантиметр с тихим, но отчётливым скрежетом. Ира отвлеклась от разговора, взглянула, нахмурилась.

– Ты толкаешь? – спросила она Лёху, сидевшего, напротив.

– Я? Нет.

И тогда чашка поехала ещё на пару сантиметров. Плавно, как будто её толкал чей-то невидимый палец. Не дёргаясь, не падая, а именно целенаправленно скользя.

– Эй, смотрите! – негромко сказал я, кивнув на стол.

Все взгляды устремились туда. Наступила тишина, но не та, удушающая, что бывала перед приступом жуты, а напряжённая, исследовательская. За чашкой Иры поползла в другую сторону моя. Потом сдвинулась с места третья.

Они двигались не хаотично. Траектории были разными: одна поползла к краю стола, другая – по кругу, третья – зигзагом, будто обходя невидимые препятствия. Словно за столом сидел ещё кто-то, невидимый, скучающий, переставляющий посуду в своей игре.

– Нам всем это кажется? – спросил Жека. В его голосе не было страха, только интерес и лёгкое головокружение от столкновения с невозможным.

Я видел, как побледнел Лёха — этот выдававший всякое опер, который не боялся ни бандитских стволов, ни трупов в подворотнях, сейчас смотрел на чашку с таким лицом, будто у него под ногами разверзлась земля. Лёха, молча протянул руку и резко хлопнул ладонью по столу рядом с движущейся чашкой. Удар был громким, но чашка не вздрогнула, не остановилась. Она просто продолжила своё неторопливое, нелепое путешествие.

– Нет, – тихо, с какой-то обречённой ясностью сказал Лёха. – Не кажется. Осязаемый объект. Незаконное движение. Причины – неизвестны.

Ира потянулась было остановить свою чашку рукой, но замерла в сантиметре от неё. Будто боялась обжечься не жаром, а самим фактом этого явления. На её лице боролись скепсис и чистейшее изумление.

Длилось это минуты полторы. Потом чашки, как по команде, разом остановились. Застыли на новых местах, образуя абсурдную, асимметричную композицию. В комнате повисла тишина, на этот раз недоуменная. Страх не было. Было жутковатое, холодное любопытство и чувство, что тебе только что наглядно доказали: законы твоего мира здесь не главные. Здесь есть другие правила. И кто-то только что позволил тебе мельком на них взглянуть – не чтобы напугать, а просто чтобы продемонстрировать: я здесь. И я могу вот так.

– Ну что, – первый нарушил тишину Леха, – заносим в протокол? «Предметы быта проявили признаки самопроизвольного перемещения при свидетелях»?

Мы переглянулись. И странное дело – все, включая скептика Иру, улыбнулись. Не от радости. Потому что это было хоть и необъяснимо, но... осязаемо. Не паника в темноте, не гудящий кошмар, а конкретный, почти лабораторный случай. И он доказал главное: мы не сходим с ума поодиночке. Видим одно и то же. А значит, это – не в голове. Это – в комнате.

Через десять минут мы снова пили чай. Уже из этих же, непослушных чашек. Но теперь они стояли смирно. Будто и не двигались никогда.

Но всё это были цветочки. Ягодка созрела позже, летом 1995-го. Поздним вечером у меня собрались друзья-приятели, человек шесть. Такие же молодые, крепкие, не робкого десятка. Разговор шел о своем – о женщинах, деньгах, будущем, которого не было.

И вдруг, будто кто-то выключил звук. Не внешний – внутренний. Разговор не оборвался, он умер, захлебнувшись на полуслове. Я посмотрел на приятеля напротив и увидел в его глазах ту же самую леденящую волну паники, что накатывала на меня. Она шла не извне. Она поднималась изнутри, как черная, маслянистая вода, заполняя всё тело. Это и была – Жуть. С большой буквы. Чистейший экстракт животного страха, помноженный на ощущение абсолютной, беспомощной обреченности. Как будто ты уже мертв, но еще понимаешь это. Ощущение было как предчувствие беды, помноженное на сто и очень навязчивое. Нечто подобное однажды пережил при аварийной посадке в Як40 - рыпайся, не рыпайся - всё равно тебе конец.

Я сидел, вцепившись в колени, и чувствовал, как желудок выворачивает ледяной судорогой. Воздух в комнате стал густым, как смола, я пытался вдохнуть, но лёгкие отказывались, будто их сдавили тисками. В ушах стоял звон, а перед глазами плыли чёрные пятна. Видел, как побледнели лица друзей, как у одного из них начала дёргаться нижняя губа, как другой вцепился в стул так, что костяшки побелели. Мы переглянулись – и в этом взгляде не было вопроса, только приговор.

В густой тишине кто-то хрипло выдавил:

– Всё, писец...

– Ага, полный... – откликнулся другой голос, без интонации.

Мы переглянулись. Шесть пар глаз, в которых читался один и тот же, чуждый разуму ужас. И тогда, без команды, как по какому-то древнему, спинномозговому сигналу, мы все разом рванулись к двери. Не побежали – ринулись, сбивая стулья, спотыкаясь, дыша пересохшими глотками. Топот шести пар ног по лестнице грохотал, как обвал в горах. На втором этаже я чуть не сбил с ног выходившую из квартиры старушку. Она вскрикнула, но её испуг был таким простым, человеческим, что на его фоне наш дикий страх выглядел сумасшествием.

Очутившись на улице, под тусклым фонарем, мы молчали, пытались отдышаться. Руки дрожали.

– Чё это было, блин? – спросил самый молодой, и в голосе его звенел нестыдный испуг.

Я посмотрел на каждого – здоровые, крепкие парни, которые могли дать отпор кому угодно, сейчас стояли бледные, с расширенными зрачками, и я видел, как у одного трясётся нижняя губа. Мы все были сейчас как стая перепуганных зайцев, и это было страшнее любого вооружённого нападения

Логичных объяснений случившемуся – не было. Все. Чувствовали. Одно и то же. Не массовую галлюцинацию. Общую атаку. Кто-то или что-то в той комнате захотело нас выгнать. И добилось своего без единого звука, без видимого образа. Чистой, концентрированной эмоцией смерти.

Когда минут через десять мы, оправдываясь перед собой, вернулись – в комнате было просто душно. И больше ничего.

Для себя ситуацию объяснил так – очень старый дом, в нём перемерло немеряно народу. Блокада одна только чего стоила – вот и накопилось в ней всякого паранормального, потустороннего. Но начал расследование. По привычке. Опер – он и в паранормальном быту опер.

Сначала – опрос «очевидцев». Соседи по подъезду, такие же обитатели этой каменной ловушки. Алкаш-сантехник дядя Коля, вечно трясушимися руками делавший вид, что чинит кран, бубнил: «Ага, и у меня... силуэт этот... Я думал, белочка». Пожилая блокадница Анна Петровна, прожившая здесь всю жизнь, говорила со спокойной, леденящей уверенностью: «Это дом дышит. Всем, что в себя впитал. Здесь много... незаконченного осталось». Выявил закономерность, четкую, как протокол. Все жалобы шли только из квартир, чьи двери выходили на запад. В «восточных» царили покой и убогий, но обывательский порядок. А в наших... «Западные квартиры, – констатировал я мысленно, как на плане оперативной разработки, – являются аномальной зоной. Население: маргиналы, асоциальные элементы, лица с психическими отклонениями. И я. Единственный условно нормальный. И целевая группа воздействия аномалии – исключительно мужчины». Женщин, как выяснилось, «это» почти не трогало.

Но однажды оно коснулось и её. Моя тогдашняя девушка гостила у меня. И среди ночи я проснулся не от кошмара, а от другого чувства. Оно накатило не волной страха, а волной жара – сухого, злого, ненавидящего. Это была не метафора. Я буквально ощущал его кожей, как жар от раскаленной печки. Но печка была везде. Стены, воздух, старые вещи – всё вокруг исходило слепую, вселенскую, не направленную лично на тебя ненависть. Просто ненависть как состояние мира в этой комнате. Она обжигала сознание. Я увидел, что девушка тоже не спит. Она смотрела на меня в темноте широко раскрытыми глазами, полными непонимания и животного ужаса.

Я вскочил, и меня тут же скрутило — ноги подкосились, я чуть не упал, потому что это была не просто ненависть. Это было физическое давление, которое давило на плечи, на грудь, заставляя сгибаться. Я чувствовал, как пот заливает глаза, как сердце колотится где-то в горле, а в ушах стоит гул. Девушка смотрела на меня, и я видел в её взгляде страх, который был сильнее, чем она могла выдержать.

Ни слова не сказав, мы натянули на себя что попало и выбежали из квартиры, как из горящего дома. Я слышал, как захлопнулась дверь за спиной, как стены вздохнули и затихли. Только на улице, в промозглом питерском предрассветье, я смог выдохнуть, но холод внутри

меня остался. Я понял: это место умеет не только пугать — оно умеет ненавидеть. И эта ненависть была направлена не на меня, не на девушку, а на весь мир, просто мы оказались рядом.

«Что это было?» — спросила девушка. «Не знаю, — честно ответил я. — Но такое бывает». Больше ночевать она не оставалась.

Пытался бороться методами, так сказать, оперативно-профилактическими. Религия (перекрестил углы, побрызгал «святой» водой из-под крана — эффект плацебо на три ночи). Шаманизм (жег дешевые палочки из эзотерической лавки — стало только хуже, запах смешался с «темным» и вызвал тошноту). Фэн-шуй (сместил кровать, поставил тазик с водой — вызвало искренний хохот у того самого «силуэта», я это почувствовал). Единственной работающей мантрой оказалась вычитанная где-то буддийская: «Это всё — в моем воображении». Я повторял ее, как заклинание, глядя в пустой угол, где висел гудящий клубок. Не помогало убрать его, но помогало не сойти с ума. Рационализация — последний щит образованного человека.

Тогда я и сделал свои главные выводы.

Вывод первый: место является аномальным, его воздействие носит избирательный и осмысленный характер. Оно питается страхом, но не любым — а мужским, возможно, связанным с агрессией, волей, защитой. Женская энергия ему неинтересна или чужда.

Вывод второй: прямое противостояние (ритуалы, молитвы) лишь на время меняет «настройки» явления, после чего атаки возобновляются с новой силой. Это как дразнить спящего зверя.

Вывод третий, практический: лучшая тактика — игнорирование и предельная физическая усталость организма. «Тупеешь, — констатировал я, выжимая штангу в зале. — Перестаете быть чувствительным приемником этой падали. Не корми призрака вниманием — и он отстанет, как назойливый попрошайка, понявший, что ты не клиент». Спорт, плотная еда, сон без снов — вот мой щит. Не самый изящный, но работающий.

Я прожил там четыре года. Четыре года школы выживания в ином мире, который существует, таясь в складках нашего. Я научился отличать «их» присутствие по особой, давящей тишине, научился, не открывая глаз, посылать мысленное «Пошел вон, щас порву в лоскут и выкину!» и засыпать дальше, научился ценить тихие ночи как величайшую милость.

Когда появилась возможность, я съехал. Без сожалений. И как только переступил порог новой, панельной, бездушной, но своей квартиры на окраине, тяжесть спала. Та самая, что я уже перестал замечать, как не замечаешь вечный шум в ушах. Пропали кошмары. Ушли тени из углов. Жизнь стала... обычной. Плоской, предсказуемой и бесконечно ценной в этой своей плоской нормальности.

Дом на Кузнечном, наверное, стоит до сих пор. И в том подъезде, в «плохих» квартирах, наверное, по-прежнему живут не самые удачливые люди. Интересно, встречаются ли среди них такие же упрямые скептики с милицейской закалкой, которые тоже пытаются вести собственное, частное расследование? И приходят к тем же выводам: некоторые дела не раскрываются. Некоторые явления не объясняются. И лучшее, что можно сделать — не стать для них соучастником, закрыв дело за невозможностью установления объекта преступления. А просто уйти. Потому что это — не смертельно. Но это всерьез и надолго.

Мистический шулер или Жуткий покер на Арбате

Жизнь – довольно интересная, но совсем непростая штука. В ней иногда происходят такие странные, необъяснимые события, над которыми можно надолго зависнуть, пытаясь понять: было ли это наяву или твоё собственное сознание сыграло с тобой злую шутку? Расскажу вам одну такую историю. Случилась она со мной золотой осенью 1997-го, в старинном районе Москвы.

У меня тогда уже второй год был свой небольшой, но успешный бизнес. Компьютерный. Точнее, бизнес по установке программ в эти самые компьютеры и наладке локальных сетей в офисах. Дело было новое, дико востребованное, конкуренция – смешная, не то что в нынешнее время. А тогда каждый новый «Пентиум» был событием, а возможность связать три машины в сеть казалась магией. У меня в штате было всего пара толковых ребят, а заказов – вал. Поэтому часто мне самому приходилось брать отвертку, пачку дискет с программами, ехать к клиенту и лично возиться с «железом». Так было и в тот день.

Последний компьютер в офисе новой «конторы» на Мясницкой загрузил в себя с дискет «Windows 95». Было около семи вечера. Я, довольный, с приличной суммой в кармане, вышел на улицу. Решил прежде чем брать штурмом вагон метро пройти до «Смоленской» по тихим арбатским переулкам – снять дневную напряжённость от проделанной работы.

Мне нравится Арбат. В девяностые годы он претерпел значительные изменения, наполнившись новыми элементами и атмосферой. Всюду открылись немыслимые в советское время кафе, тематические магазинчики, появились разномастные уличные музыканты, сувенирные палатки и гадатели всех мастей. Жизнь здесь кипела, как живительный родник.

Когда я вышел на улицу, на Москву опускался новый, неповторяемый вечер. Воздух был прохладен и прозрачен, из-за старых зданий в переулках уже выползали лиловые тени. Я шёл, тихонько насвистывая, и вдруг поймал себя на мысли, что жутко проголодался. Сытость делового ланча давно испарилась. И тут, будто по заказу, в одной арке Плотникова переулка я увидел вывеску: «Кафе «Жан-Жак». Светились окна. Решил, что заслужил ужин, прежде чем ехать домой.

Внутри пахло свежесваренным кофе, сигаретным дымом и чем-то сладким. Я заказал глинтвейн и блинчики со сметаной – роскошь по тем временам. В углу, за соседним столиком, сидел старик. Не нищий, нет. Одетый в потёртый, но добротный драповый плащ. Он неспешно пил чай, его взгляд был устремлён в окно, в сгущающиеся сумерки. Я почти не обратил на него внимания, уткнувшись в еду и думы о том, что завтра с утра нужно везти партию «Пентиумов» в Люберцы.

Когда я расплачивался, старик поднялся и не спеша вышел на улицу. Я вышел следом, застегивая на ходу куртку. И увидел его: он стоял, прислонившись к арке, и растерянно водил рукой по стене, будто искал опору. Лицо его в свете фонаря было бледным.

«Поможете дойти?» – спросил он, и голос его показался мне неожиданно твёрдым для такой немощной позы. «Квартира тут, на первом... ноги, знаете ли, подводят... Михаил Семёнович».

Я, не раздумывая, подал ему руку. В голове мелькнуло: «Дед, явно не бомж. Может, ветеран, которому нужна помощь». Мы сделали несколько шагов по тёмному двору старого доходного дома. Он указал на парадную. Мы вошли. В подъезде пахло котами, сыростью и еще чем-то старым. Он открыл тяжёлую, обитую дерматином дверь на первом этаже.

Контраст был ошеломляющим. Вместо ожидаемой коммуналки я шагнул в... гостиную другого времени. Высокие потолки с лепниной, тёмный дубовый паркет, на стене – огромное, мутное от времени зеркало в золочёной раме. Воздух стоял неподвижный, напоённый пылью

и запахом старого дерева. Ничего от лихих девяностых – здесь, казалось, время остановилось в двадцатых годах, если не раньше, возможно, в прошлом веке.

«Прошу, присаживайтесь», – сказал Михаил Семёнович, указывая на старинное кресло, и его голос прозвучал уже без тряски. Он ловко подошёл к столу, в его руках откуда ни возьмись появилась колода карт. Она была необычной – с потёртыми уголками, явно старой, досоветской. Он рассыпал её по столу с тихим шорохом и улыбнулся. Улыбка была странной – не старческой, а хитрой, молодящейся.

«Не желаете сыграть партию в покер, молодой человек? На интерес?» – спросил он. – «А то скучно одному. Ставки могут быть... особенными».

Холодный лёд тронулся у меня где-то под лопатками. Всё сошлось: подозрительная беспомощность, эта квартира-музей, карты. Мозг, привыкший к логике микросхем и чипов, выдал единственное рациональное объяснение: развод, бандитский катран. Классика жанра. За дверью в соседней комнате наверняка притаились двое крепких парней с обрезом. Играют в «доверчивого старичка», а потом обчистят до нитки. Мои деньги, моя «Нокиа»...

«Извините, не играю! Дело срочное!» – бросил я, резко вскакивая. Не оглядываясь, выскочил в подъезд и захлопнул дверь. Сердце колотилось. Я почти бегом выбежал во двор и тут же врезался в плотную фигуру в милицеейской шинели.

«Эй, осторожнее! – раздался знакомый голос. Я поднял голову. Из-под милицеейской фуражки на меня смотрело удивлённое лицо Сергея Михеева, моего одноклассника, с которым не виделись лет восемь, с самого выпускного. Он тоже узнал меня

– Никита? Ты, чертяка?

– Серёга?! Боже, это ты?!

Мы схватились в объятия, хлопая друг друга по спинам. Хохот, вопросы через слово.

– Что ты тут делаешь? – спросил я, наконец отдышавшись.

– Я тут участковый, – усмехнулся Сергей, поправив фуражку. – На Арбате вот свой участок отбиваю от рэкета и прочей шушеры. А ты-то как здесь оказался? Выглядишь, будто от черта лысого сбежал.

И тут я вспомнил. «Слушай, Серёг, я тут только что...» – и выпалил ему всю историю про странного старика, квартиру, карты. Я говорил быстро,

сбивчиво, и сам чувствовал, как внутри всё ещё трясётся от того леденящего страха, который сковал меня в той комнате. В ушах до сих пор стоял шорох карт, а перед глазами — хитрая улыбка старика, которая сейчас, на свежем воздухе, казалась ещё более зловещей.

Лицо Сергея изменилось. Веселье с него сошло, как маска. Он стал серьёзным, даже озабоченным.

«Покажи квартиру», – коротко сказал он.

Мы вернулись. Поднялись на первый этаж. Там, где минуты назад была обитая дерматином дверь, теперь зиял проём в подсобку, заваленную старыми рамами и вёдрами. Никакой золочёной лепнины. Только запах сырости и мышей.

Я ошолбенел. Сергей не удивился. Он достал пачку сигарет.

«Никит, – сказал он тихо, по-домашнему. – Ты не первый и, слава Богу, не последний, кто вовремя рванул. Но есть и те, кто заигрался. В прошлом месяце на Патриарших подобное с брокером одним было. Тот мужик, всё-таки сел за карты. Говорил, что играл всего несколько часов – на удачу, на азарт. А когда вырвался и вернулся домой, его жена чуть в обморок не упала. Мужик за одну ночь (как ему казалось) постарел лет на десять. Седина, морщины – всё, как есть. В участке он показывал свои водительские права и фото с корпоратива, сделанные буквально за три дня до встречи со стариком. На фото – молодой парень. А перед нами сидел... ну, мужчина в очень солидном возрасте. И самое жуткое – по показаниям, он отсутствовал не несколько часов, а почти неделю. Куда делись эти дни – он объяснить не мог.

Сергей закурил, сплюнул, и продолжил:

– И в Марьиной Роще история была... И в Хамовниках... Всё одно и то же: старик, роскошная квартира-призрак, карты. Известно только о тех, кто дошёл до нас и смог рассказать. А сколько их было на самом деле – тех, кто проиграл и... исчез, сошёл с ума или просто не решился заявить? Представить страшно. Это как чёрная дыра в статистике.

Он посмотрел на меня тяжёлым взглядом.

«А знаешь, что самое дурное? В архивах покопались. В конце XIX века в этих же районах были жалобы. Молодые купчики, студенты – все рассказывали про старика-игрока. Только игра тогда называлась... „штосс“. И дворники тогда, как водится, болтали байки. Один из них рассказывал спасшемуся барину, что этот старик не на деньги играет, а на самые-самые заветные желания... Но за каждый проигрыш забирает у игрока годы жизни. Так, мол, и пропадали повесы, садились играть молодыми, а возвращались, если возвращались, – состарившимися, опустошёнными стариками».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.